

РЯЗАНСКИЙ КРАЙ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Проанализированы особенности развития Рязанского края в конце XVIII – начале XIX в., которые отражены в художественно-документальной литературе указанного периода. На примере мемуарных записок С. П. Жихарева, Я. П. Полонского, С. Т. Славутинского и путевых записок А. В. Салтыкова рассматривается образ провинции, воссозданный в тексте при описании быта и культуры дворян Рязанской губернии. Произведения художественно-документальной литературы содержат интересный и многосторонний материал о представителях рязанского дворянства, о состоянии образования и воспитания, театрального искусства в провинциальной среде эпохи Просвещения.

Ключевые слова: *Рязанский край, художественно-документальная литература, мемуарные записки, путевые записки, эпоха Просвещения, провинциальная культура, дворянская усадьба.*

В XVIII столетии в России произошло окончательное юридическое оформление сословного статуса дворянства как привилегированной правящей социальной группы. С этого периода именно дворянству принадлежала ведущая роль в экономической, социальной и культурной жизни страны. Началась богатая история развития отечественной литературы и искусства, изучение которой невозможно без учета ее региональных компонентов. Таким компонентом является история Рязанского края, источником изучения которой в настоящее время являются не только официальные документы, но и документально-художественные сочинения людей той эпохи.

Произведения мемуарной и путевой литературы содержат важный материал о состоянии помещичьего хозяйства, службе, образовании и культуре Рязанского края. К их числу относятся мемуары А. Д. Галахова, С. П. Жихарева, А. М. Лунина, М. М. Муромцова, Я. П. Полонского, П. П. Семёнова-Тян-Шанского, С. Т. Славутинского, путевые записки А. В. Салтыкова и др. И хотя эти авторы родились или сформировались как личности в XIX столетии, но в их произведениях упоминаются многие важные события XVIII–XIX вв.

В большинстве источников в той или иной мере сделаны попытки обобщения явлений исторической действительности. Так, «Записки современника» С. П. Жихарева насыщены огромным бытовым материалом, ярко рисуя русскую жизнь в конце XVIII – начале XIX в. Л. Н. Толстой высоко ценил мемуары С. П. Жихарева и использовал в качестве источника своего романа «Война и мир» (Н. Г. Долинина, Э. В. Зайденшнур, Б. И. Кандиев и др.). И хотя большая часть жизни и деятельности Жихарева прошла в Москве и Петербурге, множеством нитей он был связан с Рязанским краем.

С. Т. Славутинский при создании своих воспоминаний опирался и на личные впечатления, и на делопроизводственные источники. В центре его

внимания фигуры богатых и влиятельных провинциальных помещиков.

В качестве источников также были привлечены путевые записки графа А. В. Салтыкова. Прямая и косвенная информация, извлеченная из его сочинения, позволяет многое узнать о мировоззрении просвещенного рязанского дворянина конца XVIII в. и увидеть его глазами актуальные проблемы современного ему общества.

Рязанская земля этого времени предстает в сочинениях как живописное место с роскошными лугами по берегам Оки: «Тут есть такие луговые пространства, что каждая так называемая хозяйственная десятина (мерю в 3200 квадратных сажень) дает, без всякого искусственного удобрения, до семисот пудов прекраснейшего сена: так хорошо удобряются дедновские луга ежегодными разливами Оки» [1, с. 13], множеством «рыбных» озер, непроходимыми лесами с огромным количеством зверей и птиц: «<...> есть болота и кустарники, реки и озера, что всякий дичи бездна: куликов, дупельшнепов, вальдшнепов и гаршнепов, что диких гусей и уток миллионы и, сверх того, множество дичи степной...» [2, с. 49]. Как правило, самые лучшие земли принадлежали помещикам. В Рязанской губернии к середине XIX в. проживало около 13 тысяч потомственных и личных дворян [3].

По воспоминаниям рязанского поэта и прозаика Я. П. Полонского, провинциальные землевладельцы знали друг друга, «ссорились, мирились, волочили за соседками, охотились, пьянствовали или, порыскавши по Европе, бесплодно мечтали о новых порядках» [4, с. 23]. Граф А. В. Салтыков, путешествовавший по России в 1797 г., запечатлел в своих путевых записках гостеприимство рязанского дворянства. Специально для него был организован спектакль (на званом вечере), граф был приглашен на званый вечер к одному из представителей местного дворянства: «Тут я сделал большое дурачество: не зная имени хозяина, я всегда говорил

хозяйке: ваш муж, ваш супруг, – не подозревая ни мало, что она еще девица и его падчерица» [5, с. 53]. Тем не менее хозяева ужина проявили тактичность, не сделав никаких замечаний по поводу неуместного обращения гостя. С достоинством оценил граф угощения: «Мы пошли за стол, который был довольно хорош» [5, с. 53]. Вместе с тем «благородные» манеры местных дворян вызвали усмешку у графа. Одна дама, чье имя А. В. Салтыков не называет, удивила его тем, что «говорила так много и так скоро, что не успевали ей отвечать» [5, с. 54]. Благодаря ее добродушию и разговорчивости в рязанском высшем обществе она выполняла определенную роль – «быть душою разговора», поэтому если в город приезжал какой-нибудь путешественник, то посылали за ней «нарочно».

Некоторые выдающиеся личности из числа рязанских дворян благодаря своей общественно-политической, литературной деятельности были широко известны далеко за пределами собственных владений, например, А. П. Бунина, первая поэтесса в России, А. Д. Балашов, московский обер-полицейстер, Д. В. Дашков, министр юстиции, участник литературного общества «Арзамас», С. П. Жихарев, переводчик, член «Арзамаса», председатель Театрально-литературного комитета при дирекции театров, М. И. Невзоров, ученик и последователь Н. И. Новикова, масон и литератор, С. Д. Нечаев и П. Н. Семенов, члены организации «Союз Благоденствия», А. С. Хомяков, поэт и публицист, член «Общества Любомудрия» и др.

Из «Записок современника» С. П. Жихарева можно узнать, что рязанские дворяне были знакомы с таким распространенным в Европе и России религиозно-этическим течением, как масонство. Речь идет прежде всего о Максиме Ивановиче Невзорове, одном из самых деятельных масонов, друге Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, И. П. Тургенева: «Что за умный и добрый человек этот Максим Иванович, каких гонений ни натерпелся он за свою резкую правду и верность в дружбе! При всей своей бедности, он не ищет ничьей помощи, хотя многие старинные сотоварищи его в несчастье, как, например, Иван Петрович Тургенев, Лопухин и Походяшин, принимают в нем живое участие <...>» [2, с. 129]. М. И. Невзоров жил в Москве и издавал журнал «Друг юношества» (1807–1815), увлекался философией Вольтера, протестовал против лжи и лицемерия в православной церкви. С. П. Жихарев в свои студенческие годы часто встречался с ним, о чем свидетельствуют записки автора от 13 мая, 15 ноября 1805 г., 20 января, 9 ноября 1806 г. По словам С. П. Жихарева, Максим Иванович отличался независимостью суждений и редкой религиозностью: «Лучше положиться на собственные свои силы, если же их не достанет, так

бог помощник; в противном случае ничто не удастся» [6, с. 30].

Другой помещик, рязанский губернатор, Михаил Иванович Коваленский, как отмечает С. П. Жихарев, являлся учеником философа Григория Савича Сквороды, сочинения которого постоянно лежали у него на столе. Известно, что Коваленский вел переписку со своим наставником. По характеристике С. П. Жихарева, Михаил Иванович был «очень умный, приятный и приветливый человек» [2, с. 45].

Не обошел стороной в своих мемуарах С. П. Жихарев такое яркое событие в русской литературе начала XIX в., как появление первой поэтессы – А. П. Буниной. Анна Петровна, хорошо была известна в Петербурге, куда она переехала в 1802 г. из села Урусова Ряжского уезда Рязанской губернии, а затем и в Москве. А. С. Шишков высоко ценил ее творчество и во многом помогал на литературном поприще. Первые ее произведения стали появляться в журналах 1806 г. Неслучайно именно А. С. Шишков в марте 1807 г. познакомил Жихарева со стихами Буниной, которые оказались ему «не по душе»: «В них есть мысли и довольно силы в выражениях, но странное дело, они как будто писаны по заказу и не производят никакого действия на душу» [6, с. 207]. Некоторые строки из произведений А. П. Буниной он даже записывает в свой «архив курьезностей». Данный факт можно объяснить разными взглядами на стиль и язык писателя, что подтверждает сделанный вывод С. П. Жихарева в следующей записи: «Это стихотворение непременно отправлю Мерзлякову: оно петербургской школы, которой профессора обещали меня „выполировать“» [6, с. 224].

Однако на страницах рязанской истории сохранились имена людей, оценки личных качеств, поступков и деятельности которых их современниками противоречивы, в частности Льва Дмитриевича Измайлова. Он был одним из крупнейших землевладельцев Рязанской губернии, ему принадлежало около 11 тысяч крепостных. Самое крупное его имение – село Дедново в Зарайском уезде Рязанской губернии. В 1788–1790 гг. он участвовал в Русско-шведской войне, в период с 1802 по 1815 г. состоял Рязанским предводителем дворянства, в 1807 г. получил чин генерал-лейтенанта за устройство Рязанского земского войска, в 1812 г. собрал Рязанское ополчение [7, с. 406]. Вместе с тем об образе жизни Л. Д. Измайлова в то время ходило много слухов и рассказов.

Так, С. П. Жихарев в своих «Записках» называет Л. Д. Измайлова рязанским Аманом и одновременно «совершенным неучем», который надсмехается над наукой и просвещением: «Для этого Измайлова ничего нет достойного уважения, даже, кажется, и жизни человеческой. В книге его деяний

есть такие страницы, от которых захватывает дух и дыбятся волосы» [2, с. 207]. По мнению С. П. Жихарева, стихия этого человека – безотчетный каприз. Так, среди его излюбленных развлечений были шутки с участием медведей. Он, по рассказу С. П. Жихарева, мог «напоить мертвецки пьяным человек 15 небогатых дворян-соседей, посадить их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустить лодку с горы в реку» или же проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то без умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставить подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко!» [2, с. 208]. Л. Д. Измайлов отличался крайне своевольным и жестоким характером, особенно деспотично он вел себя по отношению к крестьянам: за малейшие проступки наказывал плетью, розгами и псарскими арапниками, содержал в ручных и ножных кандалах, на стеночных цепях и в заклепанных на шее железных рогатках. Кроме того, он имел гарем из дворовых девушек, многие из которых были малолетними. С. Т. Славутинский написал целый очерк «Генерал Измайлов и его дворня», в котором дал подробное описание помещичьего быта первой четверти XIX в.

По словам С. Т. Славутинского, Л. Д. Измайлов хотел всегда слыть «истинным русским баринном», поэтому ничего «заморского» не жаловал, но любил простые исконно русские потехи: псовую охоту, скачки на длинные расстояния по проселочным, кулачные бои и борьбу, «да попойки и гулянки напролет по целым ночам, с песнями и плясками, с диким, неугомонным разгулом» [1]. Всякий помещик мог делать в своих имениях все, что ему угодно, даже по отношению к другим дворянам, например, ради потехи окунуть помещика-соседа в деготь, вывалить в пуху и водить по деревьям с барабанным боем.

Огромные средства тратили дворяне на покупку лошадей. С этой целью в Лебедяне ежегодно проводились ярмарки, куда приезжали помещики Тамбовской, Рязанской и соседних губерний. Нередко совершенные сделки сопровождалась играми в карты и кутежами. Л. Д. Измайлов был постоянным участником этой ярмарки. Но любимой забавой провинциальных помещиков была псовая охота, которая наполняла деревенскую жизнь шумными впечатлениями: «Заливаются в „островах“ звонким, частым лаем гончие, выгоняя зверя на широкий простор поля; мечутся за добычей в разные стороны борзые, а псары, доезжачие, казаки, приживальцы, гости-помещики порскают, атукают, трубят в рога, скачут сломя голову...» [1]. Обилие птиц и зверей в Рязанском крае способствовало

процветанию охоты: «В нашей стороне нынешний год бездна всякой дичи и зверей всякого рода» [6, с. 9]. Для охоты в усадьбах заводили псарни, которые обслуживали крепостные или специально наемные люди. Так, Л. Д. Измайлов содержал 673 собаки разных пород. Однажды он поменял четырех дворовых людей на четыре борзые собаки.

Причину самодурства помещиков их современники видели в отсутствии правильного воспитания и образования. Анализируя личность Л. Д. Измайлова, С. Т. Славутинский приходит к выводу, что он не был зол от природы: «Его общительность, гостеприимство, широкая щедрость, его искреннее уважение к людям решительным и благородным – все это черты несомненно хорошего характера. Но характер этот был глубоко испорчен сначала воспитанием, а потом положением в обществе. Воспитание Измайлова, при крайне недостаточном образовании, при совершенном отсутствии нравственного направления, было вообще такое, что с самых ранних лет не знал он себе ни в чем удержу, отчего и привык своевольничать, как ему только хотелось» [1]. В своем сочинении С. Т. Славутинский подчеркивает, что в развитии русских характеров помещиков более всего участвовали домашняя обстановка, «складывавшаяся в известном смысле под влиянием так называемого патриархального крепостного быта, равно и общественная среда, вся проникнутая теми же самыми влияниями» [1]. В XVIII в. воспитанием дворянских детей, как правило, занимались дворовые, через которых они знакомилась с русской народной культурой. В раннем возрасте начиналось обучение чтению, письму, счету и молитвам. Учителями могли быть кто-либо из родственников, соседей из числа дворян, духовенства или грамотных дворовых. С. П. Жихарев получил в своей семье, по его словам, «деревенское русское воспитание»: «С малолетства напитан был чтением священного писания» и даже «исправлял должность дьяка» на ежедневных утренних молитвах [2, с. 54]. Я. П. Полонский в воспоминаниях «Старина и мое детство», характеризуя свою бабушку А. Б. Кафтыреву как «старую барыню старого века», отмечает, что о физике не имела никакого понятия, выучилась только читать и писать, «у нее были целые тетради записанных ее рукою народных загадок» [4]. Отец писателя тоже был человеком малообразованным.

В эпоху Просвещения новые поколения провинциального дворянства стали приглашать к своим детям профессиональных педагогов, обучающих иностранным языкам, основам наук, благородным манерам, танцам. Качество образования нередко зависело от материального состояния семей.

Так, С. П. Жихарев, кроме домашнего воспитания, получил образование в московском пансионе

Ронка. Однако уже в 1787 г. в Рязани действовал Дворянский пансион при Главном народном училище, который располагался на первом этаже Редутного дома. В нем главное внимание уделялось воспитанию дворянских детей. Кроме того, 1800 г. Екатериной II было позволено поручице Марии Гаммель открыть в Рязани первый пансион для благородных девиц. Упоминание о данном факте есть в путевых записках А. В. Салтыкова, выделившего среди знатных особ госпожу Г., «содержательницу пансиона, у которой все здешния благородные девицы обучаются» [5, с. 55].

Я. П. Полонский, семья которого не была богатой, осваивал французский язык под руководством русской учительницы мадам Тюрберг, в результате чего «не мог говорить ни на одном иностранном языке и заговорил по-французски не раньше моего пребывания в Париже» [4]. Уроки танцев будущий писатель в детстве получал у пожилой отставной танцовщицы. Зато в своем родовом имении Я. П. Полонский любил посещать библиотеку, в которой «слева от входа во всю стену стоял шкаф в два этажа с откидной доской посередине. За стеклами было множество книг, а на нижней полке, на горке, лежали медали, древние монеты, минералы, раковины, печати и проч. <...> а на комодке была целая гора переводных романов Ратклиф, Дюкредюминеля, Лафонтена, Мадам Жанлис, Вальтер Скотта и других» [4]. Часто наиболее состоятельные помещики приглашали к себе музыкантов, преподавателей танцев. В начале XIX столетия самым известным из них в светском кругу был Димлер. С. П. Жихарев сообщает: «У нас ежедневно свои домашние танцы под фортепиано Димлера: сестры, несколько их приятельниц, двое молодых застенчивых соседей, вальсирующих мастерски, и я на подставу, бал хоть куда, а затем – кто во что горазд!» [2, с. 113]. Музыкант Димлер в «Записках» фигурирует неоднократно, например: «<...> сестры ухватились за старого знакомого, Димлера, которого, несмотря на усталость, тотчас же засадили за фортепьяно и заставили отколачивать русалочный польский» [2, с. 97]. Кроме домашних танцев, рязанские помещики, в первую очередь молодое поколение, организовывали пикники, на которых «танцевали много», катались на лодках: «Полдник был преизобильный; в заключение пускали фейерверк» [2, с. 114].

И хотя светское воспитание активно развивалось в дворянской среде, по-прежнему соблюдались православные каноны. Приобщение к церковным таинствам, соблюдение постов, посещение церковной службы и ежедневные молитвы были составной частью повседневной жизни. В произведении С. П. Жихарева постоянно встречаются упоминания о посещении им церкви, монастырей, о соблюдении поста, общении с духовными отцами:

«Отговели, как следует христианам» [2, с. 54]; «Наконец бог привел причаститься святых тайн» [6, с. 164]; «У Троицы насмотрелся, наслушался и намолился вдоволь» [2, с. 122]; «что-то неизвестное тянет меня поклониться гробу преосвященного Тихона, искреннего друга покойных деда и бабки моих и настоящего уврачевателя сердечных и душевных их скорбей и болезней» [2, с. 108]. Во многих дворянских семьях хранились древние иконы, соблюдались традиции православных праздников. Я. П. Полонский удивлялся большому количеству икон в имении А. Б. Кафтыревой и запомнил, как накануне больших праздников везде у образов горели свечи, лампадки и весь дом наполнялся запахом ладана.

Дворянские усадьбы длительное время были в российской провинции хозяйственно-экономическими и культурными центрами. Дома помещиков состояли из типичных для русских комбинаций деревянных срубных конструкций, которые делились на зимнюю и летнюю половины. К усадьбе примыкали хозяйственные пристройки. Я. П. Полонский следующим образом описывает дом своей бабушки: «Через деревянное крыльцо и небольшие, зимой холодные, а летом пыльные сени направо была дверь в переднюю. Эта передняя была полна лакеями. И эта передняя была отчасти их спальней, отчасти мастерской, так как все они более или менее были башмачники и сапожники. Тут вечно пахло сапожным варом, клоповником, ваксой, салом... Ко всему этому все принюхались, никто не находил это странным, тем более что такие же точно передние были во многих барских домах, в особенности в деревенских усадьбах у старосветских помещиков. Из передней шла дверь в небольшую залу. В этой зале вся семья и мы по праздникам обедали и ужинали. Стены были оклеены обоями <...>. В гостиной на полу лежал тканый ковер с широкой каймой, на которой узор изображал каких-то белых гусей с приподнятыми крыльями, вперемежку с желтыми лирами. Зеркальная рама в простенках между окошек, кресла, овальный стол перед диваном и самый диван – все было довольно массивно и из цельного красного дерева <...> В одном углу стояли английские столовые часы с курантами или молоточками <...>; в другом углу была изразцовая печь с карнизом, на котором стояло два китайских, из белого фарфора, болванчика <...> За гостиной шли двери с маленькою прорезной дырочкой, в которую из спальни можно было подглядывать, кто приехал и кто вошел в гостиную» [4].

Также в художественно-документальную литературу вошло описание того, что рязанские помещики содержали большое число дворни (кормилицы, камердинеры, повара, горничные, садовники, кучера), что в патриархальном хозяйстве долгое время считалось нормой. Так, Я. П. Полонский

вспоминал, что количество дворовых у его бабушки намного превосходило потребности поместья: «Полагаю, что вместе с девчонками, пастухом и косцами, которые приходили из деревень, не менее шестидесяти человек. И все это надо было кормить и одевать...» [4]. Кроме того, вместе с владельцами имений проживали люди из числа бедных родственников или соседей – «приживальщики», которые выполняли домашние поручения или просто кормились за счет хозяев: «Кроме дворовых бывали в доме и приживалки. Помню одну старуху, которая помещалась как бы на полатах, в каком-то отверстии над дверью комнаты моих теток» [4]. Их присутствие, с одной стороны, свидетельствовало о высоком социальном статусе владельца, с другой – о религиозной верности христианским законам.

Во второй половине XVIII в. у богатых помещиков можно было увидеть и собственный театр из крепостных крестьян. О возросшем увлечении театром в дворянской и разночинной среде, о его продвижении в провинцию и влиянии на нравы писал составитель «Драматического словаря» Н. И. Новиков: «Каждый знает, что в десятилетнее время и меньше начальники, управляющие отдаленными городами от столиц России, придумали с корпусом тамошнего дворянства заводить благородные и полезные забавы; везде слышны театры построенные и строящиеся, на которых заведены довольно изрядные актеры» [8]. Вместе с тем развитие театрального искусства происходило разнопланово. Если в столицах театр получил свое распространение в 1740–1770 гг. в эпоху расцвета классицизма, то в провинции зарождение театра произошло в последние десятилетия столетия.

В Рязанской губернии для театральных представлений в 1787 г. был построен Оперный дом, который посетил в 1797 г. граф А. В. Салтыков во время своего путешествия в Сарепту, о чем засвидетельствовал в своих записках: «В 6 часов по полудни прибыли мы в Рязань. Почти подле ворот стоит Театр» [5, с. 51]. Здание Оперного дома было двухэтажным, около половины площади приходилось на сцену и служебные помещения. В зрительном зале имелись партер, амфитеатр, ярус лож и галерея. За сценой находились специальные механизмы, позволявшие быстро менять декорации, показывать «полеты» и «превращения» действующих лиц. Освещался театр сальными свечами «кондовыми», то есть высшего качества. Отопление было печное [9]. Театр содержался за счет губернских властей, поэтому часто спектакли ставились по распоряжению генерал-губернатора в честь важных событий или приезда почетных гостей, как в случае с графом А. В. Салтыковым, для которого Оперный дом был представлен во всей красе, что отметил граф в «Записках»: «Партер был освещен

великолепно, платье и белье на судейских женах все было перемыто и перекачено, оркестр был многолюден, и зрителей было человек до ста» [5, с. 54].

В сочинении А. В. Салтыкова дан портрет актрисы Воробьевской и упомянут актер Колпаков, которые играли в спектакле: «Поднялся занавес, и – блеснули прелести Воробьевской! Справедливость требует сказать, что она прекрасна; нежность лица и голос ее удивительны! Впрочем, актриса посредственная. Колпаков, который играл первую роль, имеет большия дарования; остальные не стоят быть упомянутыми» [5, с. 55]. В приведенной цитате А. В. Салтыков изменил фамилию известной в то время актрисы Оперного дома Матрены Семеновны Воробьевой. Первые деятели рязанского театра ассессор Рязанской казенной палаты, инспектор народных училищ А. А. Дохтуров и отставной гвардейский офицер Г. П. Приклонский создали в 80-х гг. в Рязани первую труппу актеров из дворовых или вольноотпущенных девушек и юношей. В первую труппу также вошли М. С. Воробьева и П. Р. Колпаков, которые со временем стали профессиональными артистами. М. С. Воробьева выступала на сцене Московского Большого Петровского театра в ролях «первых любовниц», П. Р. Колпаков – в ролях «благородных отцов», о чем также упоминает С. П. Жихарев в своих мемуарах, характеризуя актеров русского театра. Приведенная в сочинениях А. В. Салтыкова и С. П. Жихарева информация о театре свидетельствует об изменениях в актерском исполнении, в котором на первый план выходит естественность сценической игры, намечается распределение актеров по амплуа.

Таким образом, памятники художественно-документальной литературы отражают основные тенденции в социально-экономическом и культурном развитии городов России, быта провинциального дворянства. Описание Рязанского края в мемуарных и путевых источниках содержит ряд важных исторических реалий, с одной стороны, расширяющих познания читателя о состоянии и истории отдельных территорий России, в частности Рязанской губернии, в конце XVIII – начале XIX в., с другой стороны, воссоздают портреты людей конкретной эпохи, с их бытом, привычками, характерами. Документально-художественная основа мемуарных и путевых записок, раскрывает широкие возможности для авторов в описании и осмыслении окружающей действительности.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ 15-14-62001 а(р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

Список литературы

1. Славутинский С. Т. Генерал Измайлов и его дворян (Очерк помещичьего быта первой четверти нынешнего столетия) // Селиванов И. В., Славутинский С. Т. Из провинциальной жизни. М.: Современник, 1985. URL: <http://lib.ru/Классика> (дата обращения: 19.07.2015).
2. Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. 311 с.
3. Акульшин П. Рязанское дворянство и его усадьбы. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/1027> (дата обращения: 19.07.2015).
4. Полонский Я. П. Старина и мое детство // Проза. М.: Советская Россия, 1988. URL: <http://lib.ru/Классика> (дата обращения: 19.07.2015).
5. Салтыков А. В. Записки путешественника в Сарепту // Памятник отечественных муз. СПб.: В типографии А. Смирдина, 1897. С. 47–80.
6. Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 2. 525 с.
7. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М.: Студия «ТРИТЭ» М. Михалкова, 1996. С. 406.
8. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, и где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления. М.: Типография А. А. Анненкова, 1787. С. 4.
9. Климаков К. Л., Славский В. И. 175 лет Рязанскому областному драматическому театру. Рязань, 1963. С. 4.

Тополова О. С., ведущий специалист.

Администрация города Рязани.

Ул. Ленина, 45а, Рязань, Россия, 390000.

E-mail: topolova.olga@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30.07.2015.

O. S. Topolova

RYAZAN REGION IN ART AND DOCUMENTARY LITERATURE OF THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURY

The article analyzes the peculiarities of the development of the Ryazan region in the late XVIII – early XIX century, as reflected in art and documentary literature of this period. On the example of the memoir notes of S. P. Zhikhareva, Y. P. Polonsky, S. T. Slavutinsky and travel notes of V. A. Saltykov considers the image of the province, recreated in the text when describing the life and culture of the nobility of the province of Ryazan. Works of art and documentary literature contain interesting material and multilateral representatives of the Ryazan nobility, status of education and training, theatre arts in the provincial environment of the Enlightenment.

Key words: *Ryazan region, art and non-fiction, memoir notes, travel notes, the age of Enlightenment, provincial culture, noble estate.*

References

1. Slavutinsky S. T. General Izmaylov i ego dvorniya (Ocherk pomeschich'ego byta pervoy chetverti nyneshnego stoletiya) [General Izmailov and his servants (the essay on the life of the landlords of the first quarter of the current century)]. Selivanov I. V., Slavutinski S. T. *Iz provintsial'noy zhizni* [From provincial life]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985 (in Russian). URL: <http://lib.ru/Классика> (accessed 19.07.2015).
2. Zhikharev S. P. *Zapiski sovremennika. Vospominaniya starogo teatrала: v 2 t. T. 1* [Contemporary notes. Memories of the old theatre-goer: In 2 volumes, vol. 1]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1989. 311 p. (in Russian).
3. Akul'shin P. *Ryazanskoye dvoryanstvo i yego usad'by* [Ryazan nobility and estates] (in Russian). URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/1027> (accessed 19.07.2015).
4. Polonsky Ya. P. *Starina i moye detstvo* [The past and my childhood]. Polonsky Ya. P. *Proza* [Ya. P. Polonsky Prose]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1988 (in Russian). URL: <http://lib.ru/Классика> (accessed 19.07.2015).
5. Saltykov A. V. *Zapiski puteshestvennika v Sareptu* [Notes of a traveller in Zarephath]. *Pamiatnik otechestvennykh muz* [The monument of Russian muses]. St. Petersburg, Tipografiya A. Smirdina Publ., 1897. Pp. 47–80 (in Russian).
6. Zhikharev S. P. *Zapiski sovremennika. Vospominaniya starogo teatrала: v 2 t. T. 1* [Contemporary notes. Memories of the old theatre-goer: In 2 volumes, vol. 2]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1989. 525 p. (in Russian).
7. Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deystviy protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg. [Dictionary of Russian generals, the combatants against the army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815]. *Rossiyskiy arkhiv. T. VII* [Russian archives. T. VII]. Moscow, Studio "TRITE" M. Mikhalkova Publ., 1996. Pp. 406 (in Russian).

8. *Dramaticheskii slovar', ili Pokazaniya po alfavitu vseh rossiyskikh teatral'nykh sochineniy i perevodov, s oznacheniem imen izvestnykh sochiniteley, perevodchikov i slagateley muzyki, kotorye kogda byli predstavleny na teatrakh, i gde, i v kotoroye vremiya napechatany. V pol'zu lyubyashchikh teatral'nyya predstavleniya* [Drama dictionary, or alphabetical registration of all Russian theatrical works and translations, with the meaning of names of famous writers, translators and composers, which were presented at the theatres, and where, and at what time printed. In favor of loving theatrical performances]. Moscow, Tipografiya A. A. Annenkova Publ., 1787. P. 4 (in Russian).
9. Klimakov K. L., Slavskiy V. I. *175 let Ryazanskomu oblastnomu dramaticheskomu teatru* [175 years of the Ryazan regional drama theatre]. Ryazan, 1963. P. 4 (in Russian).

Topolova O. S.

The Administration of the City of Ryazan.

Ul. Lenina, 45a, Ryazan, Russia, 390000.

E-mail: topolova.olga@yandex.ru